

Библиотека Классической Литературы

РЭЙ БРЭДБЕРИ
451° по Фаренгейту
Механизмы радости

Перевод с английского

Москва  2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury

FAHRENHEIT 451. © 1953 by Ray Bradbury

THE MACHINERIES OF JOY. © 1950 by Ray Bradbury

Оформление серии «Шедевры мировой классики»
И. Саукова

Оформление серии «Библиотека всемирной литературы»
Н. Ярусовой

Фотография Рэя Бредбери на обложке:

Jacques Sassier / GALLIMARD / Opale / FOTOLINK

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художника *Пауля Клее*.

Оформление серии «100 главных книг» Н. Ярусовой

Бредбери, Рэй.

Б89 451° по Фаренгейту ; Механизмы радости : перевод с английского / Рэй Бредбери. — Москва : Эксмо, 2015. — 608 с.

Великий, удивительный, абсолютно неподражаемый Рэй Бредбери!

Что бы вы ни читали: детективную историю «Смерть—дело одинокое», или роман «Надвигается беда», или «451° по Фаренгейту», или мистику, или постигали магический реализм его рассказов, все это - его собственный стиль, его собственное направление в литературе.

В сборник вошли ставшие уже хрестоматийными шедевры «451° по Фаренгейту» и авторский сборник рассказов «Механизмы радости».

«Перед нами писатель, заслуживший место в истории американской литературы. Спасибо таланту Бредбери, создавшему мир своеобразный и неповторимый, спасибо нашей удаче, позволившей нам войти с ним в этот мир».

Клайв Баркер

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Анисимов С., Доброхотова-Майкова Е.,
Баканов В., Жуков Д., Серебряков В.,
перевод на русский язык, 2015
© Шинкарь Т., Жданов Л., перевод на
русский язык, наследники, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81054-3 (БВЛ)
ISBN 978-5-699-81113-7 (ШМК)
ISBN 978-5-699-81124-3 (100 ГК)

Содержание

451° ПО ФАРЕНГЕЙТУ

Часть 1

ОЧАГ И САЛАМАНДРА

11

Часть 2

СИТО И ПЕСОК

99

Часть 3

ОГОНЬ ГОРИТ ЯРКО

155

МЕХАНИЗМЫ РАДОСТИ

МЕХАНИЗМЫ РАДОСТИ

227

ТОТ, КТО ЖДЕТ

251

TYRANNOSAURUS REX

259

КАНИКУЛЫ

284

БАРАБАНЩИК ИЗ ШАЙЛОУ

295

РЕБЯТКИ!

ВЫРАЩИВАЙТЕ ГИГАНТСКИЕ
ГРИБЫ У СЕБЯ В ПОДВАЛАХ!

304

БЫТЬ МОЖЕТ, МЫ УЖЕ УХОДИМ...	349
Вот ты и дома, моряк	355
День смерти	369
Иллюстрированная женщина	385
Кое-кто живет как Лазарь	407
Диковинное диво	428
Именно так умерла Рябушинская	452
Нищий с моста О'Коннела	477
Смерть и дева	499
Стая воронов	513
Лучший из возможных миров	535
Последняя работа Хуана Диаса	549
Чикагский Провал	569
Гимнические спринтеры	588

451° ПО ФАРЕНГЕЙТУ

*Дону Конгдону
с благодарностью*

451° по Фаренгейту – температура,
при которой воспламеняется и горит бумага.
Если тебе дадут линованную бумагу,
пиши поперек.

ЧАСТЬ 1

ОЧАГ И САЛАМАНДРА

Жечь было наслаждением. Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются. Медный наконечник брандспойта зажат в кулаках, громадный питон изрыгает на мир ядовитую струю керосина, кровь стучит в висках, а руки кажутся руками диковинного дирижера, исполняющего симфонию огня и разрушения, превращая в пепел изорванные, обуглившиеся страницы истории. Символический шлем, украшенный цифрой 451, низко надвинут на лоб; глаза сверкают оранжевым пламенем при мысли о том, что должно сейчас произойти: он нажимает воспламенитель — и огонь жадно бросается на дом, окрашивая вечернее небо в багрово-желто-черные тона. Он шагает в рое огненно-красных светляков, и больше всего ему хочется сделать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве, — сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом; они взлетают в огненном вихре, и черный от копоти ветер уносит их прочь.

Жесткая улыбка застыла на лице Монтэга, улыбка-гримаса, которая появляется на губах у че-

ловека, когда его вдруг опалит огнем и он стремительно отпрянет назад от его жаркого прикосновения.

Он знал, что, вернувшись в пожарное депо, он, менестрель огня, взглянув в зеркало, дружелюбно подмигнет своему обожженному, измазанному сажей лицу. И позже в темноте, уже засыпая, он все еще будет чувствовать на губах застывшую судорожную улыбку. Она никогда не покидала его лица, никогда, сколько он себя помнит.

Он тщательно вытер и повесил на гвоздь черный блестящий шлем, аккуратно повесил рядом брезентовую куртку, с наслаждением вымылся под сильной струей душа и, насвистывая, сунув руки в карманы, пересек площадку верхнего этажа пожарной станции и скользнул в люк. В последнюю секунду, когда катастрофа уже казалась неизбежной, он выдернул руки из карманов, обхватил блестящий бронзовый шест и со скрипом затормозил за миг до того, как его ноги коснулись цементного пола нижнего этажа.

Выйдя на пустынную ночную улицу, он направился к метро. Бесшумный пневматический поезд поглотил его, пролетел, как челнок, по хорошо смазанной трубе подземного туннеля и вместе с сильной струей теплого воздуха выбросил на выложенный желтыми плитками эскалатор, ведущий на поверхность в одном из пригородов.

Насвистывая, Монтэг поднялся на эскалаторе навстречу ночной тишине. Не думая ни о чем, во

всяком случае ни о чем в особенности, он дошел до поворота. Но еще раньше, чем выйти на угол, он вдруг замедлил шаги, как будто ветер, налетев откуда-то, ударил ему в лицо или кто-то окликнул его по имени.

Уже несколько раз, приближаясь вечером к повороту, за которым освещенный звездами тротуар вел к его дому, он испытывал это странное чувство. Ему казалось, что за мгновение до того, как ему повернуть, за углом кто-то стоял. В воздухе была какая-то особая тишина, словно там, в двух шагах, кто-то притаился и ждал и лишь за секунду до его появления вдруг превратился в тень и пропустил его сквозь себя.

Может быть, его ноздри улавливали слабый аромат, может быть, кожей лица и рук он ощущал чуть заметное повышение температуры вблизи того места, где стоял кто-то невидимый, согревая воздух своим теплом. Понять это было невозможно. Однако, завернув за угол, он всякий раз видел лишь белые плиты пустынного тротуара. Только однажды ему показалось, будто чья-то тень мелькнула через лужайку, но все исчезло прежде, чем он смог взглядеться или произнести хоть слово.

Сегодня же у поворота он так замедлил шаги, что почти остановился. Мысленно он уже был за углом — и уловил слабый шорох. Чье-то дыхание?

Или движение воздуха, вызванное присутствием кого-то, кто очень тихо стоял и ждал? Он завернул за угол.

По залитому лунным светом тротуару ветер гнал осенние листья, и казалось, что идущая навстречу девушка не переступает по плитам, а скользит над ними, подгоняемая ветром и листвой. Слегка нагнув голову, она смотрела, как носки ее туфель задевают кружащуюся листву. Ее тонкое, матовой белизны лицо светилось ласковым, неутолимым любопытством. Оно выражало легкое удивление. Темные глаза так пытливо смотрели на мир, что, казалось, ничто не могло от них ускользнуть. На ней было белое платье; оно шелестело. Монтэгу чудилось, будто он слышит каждое движение ее рук в такт шагам, будто он услышал даже тот легчайший, неуловимый для слуха звук — светлый трепет ее лица, — когда, подняв голову, она увидела вдруг, что лишь несколько шагов отделяют ее от мужчины, стоящего посреди тротуара.

Ветви над их головами, шурша, роняли сухой дождь листьев. Девушка остановилась. Казалось, она готова была отпрянуть назад, но вместо того она пристально поглядела на Монтэга, и ее темные, лучистые, живые глаза так просияли, как будто он сказал ей что-то необыкновенно хорошее. Но он знал, что его губы произнесли лишь простое приветствие. Потом, видя, что девушка как замороженная смотрит на изображение саламандры на рукаве его тужурки и на диск с фениксом, приколотый к груди, он заговорил:

— Вы, очевидно, наша новая соседка?

— А вы, должно быть... — она наконец оторвала глаза от эмблемы его профессии, — пожарник? — Голос ее замер.

— Как вы странно это сказали.

— Я... я догадалась бы даже с закрытыми глазами, — тихо проговорила она.

— Запах керосина, да? Моя жена всегда на это жалуется. — Он засмеялся. — Дочиста его ни за что не отмоешь.

— Да. Не отмоешь, — промолвила она, и в голосе ее прозвучал страх.

Монтэгу казалось, будто она кружится вокруг него, вертит его во все стороны, легонько встряхивает, выворачивает карманы, хотя она не двигалась с места.

— Запах керосина, — сказал он, чтобы прервать затянувшееся молчание. — А для меня он все равно что духи.

— Неужели правда?

— Конечно. Почему бы и нет?

Она подумала, прежде чем ответить:

— Не знаю. — Потом она оглянулась назад, туда, где были их дома. — Можно, я пойду с вами? Меня зовут Кларисса Маклеллан.

— Кларисса... А меня — Гай Монтэг. Ну что ж, идемте. А что вы тут делаете одна и так поздно? Сколько вам лет?

Теплой ветреной ночью они шли по серебряному от луны тротуару, и Монтэгу чудилось, будто вокруг веет тончайшим ароматом свежих абрикосов и земляники. Он оглянулся и понял, что это невозможно — ведь на дворе осень.